

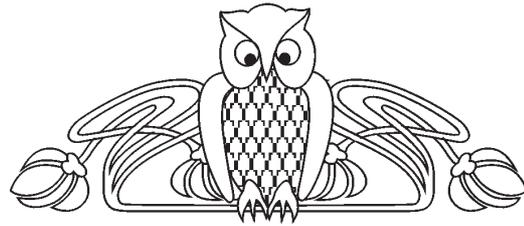

УДК 821.161.1.09-32+929 Хлебников

«СМЫСЛОЁМКОСТЬ» МАЛОЙ ПРОЗЫ ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА («ЖИТЕЛИ ГОР»)

А. Н. Шведова (Сивоплясова)

Саратовский государственный университет
E-mail: anastasya.shvedova@yandex.ru

В статье на примере анализа рассказа «Жители гор» рассматриваются особенности малой прозы В. В. Хлебникова в контексте его историко-философских воззрений и преемственных связей с русской классической литературой.

Ключевые слова: Хлебников, Гоголь, Горький, старообрядчество, Карпаты, охотник, проза поэта, пейзаж, новеллистика, аллюзия, цитата.

Polysemanticism of Velimir Khlebnikov's Short Stories («Highlanders»)

А. N. Shvedova (Sivoplyasova)

This article considers the peculiarities of V. Khlebnikov's short stories, revealed on the example of his story «Highlanders» in the context of his historical and philosophical views and successive connections with the Russian classical literature.

Key words: Khlebnikov, Gogol, Gorky, Old Belief, Carpathians, hunter, poet's prose, landscape, short stories, allusion, quotation.

Малая проза Серебряного века, представленная различными модификациями рассказов, новелл, путевых очерков и т. д., привлекает в последние годы внимание многих исследователей (О. Калениченко, А. Чудаков, М. Михайлова и др.) как явление феноменальное, способное в небольших по объёму произведениях отразить глубокое и разностороннее содержание.

Сложные, закодированные, насыщенные реминисцентными образами прозаические творения Велимира Хлебникова, одного из самых ярких и загадочных поэтов-«будетлян», глубоких и оригинальных мыслителей, предоставляют исследователю широкий простор для их интерпретации. Но, вместе с тем, появляются и определенные сложности. «Возникает впечатление бесконечной возможности бесконечного истолкования»¹ онтологических смыслов любого его произведения.

Одним из таких насыщенных идеями, образами, символическим переплетением реальных событийных и временных координат совокупно с ирреальными символами является рассказ «Жители гор» (1913). Его сюжет основан на раскрытии, казалось бы, частного эпизода, назревающей трагической развязки в отношениях двух влюблённых из раскольничьего поселения в Карпатах. Любой фрагмент данного рассказа с явно новеллистическими элементами: неожиданный, загадочный финал, фрагментарность, мозаичность

рисунка, недоговорённость в конструкции фразы – важен для восприятия всего произведения. Почти за каждым словом скрывается какой-либо исторический, религиозный или мифологический подтекст. Каждый элемент может быть рассмотрен в определенном ключе: как символ, как знак, как художественный прием.

При внимательном прочтении и целостном осмыслении каждого элемента для исследователя открывается великолепная, насыщенная смыслами картина, которая отражает не только жизненный уклад немногословных жителей гор, но целую эпоху вынужденной миграции людей, некогда живущих в Сибири или в белом или балтийском Поморье. Что послужило причиной переселения славян, прямого ответа в рассказе нет.

Поэт-футурист, Хлебников в своей повествовательной технике выступил как импрессионист, отказался от четкой линии, внятного контура образа, заменив его мелкими отдельными и контрастными мазками, сдержанно выраженными ощущениями.

Рассказ начинается с описания «грозного кремля гор». Метафорический образ кремля, внутренней городской крепости, причем кремля «грозного», помогает автору ввести мотив готовности к обороне. А следовательно, и мотив возможной опасности: «Очертания гор “точно круто искривленные брови старообрядцев при встрече с Кучумом”»². Эта деталь, вернее штрих в облике старообрядцев, акцентирует непреклонность раскольников, отделившихся в результате церковных реформ, проведенных патриархом Никоном.

В начале рассказа поэт упоминает имя Кучума, последнего фактического хана Сибирского ханства второй половины XVI в. Но старообрядцы-славяне появились в 1650–1660 гг. XVII столетия. Возникает вопрос, почему писатель объединяет явления разных веков? Известно, что Хлебников истолковывал время как «одновременную всевременность», и различные эпохи, исторические личности могут оказаться в одном пространстве в одно и то же время. Как заметил Ю. Мальцев, в попытках победить время Хлебников оказывается «сопутником Бунина». «“Король времени” (так называл себя Хлебников) тоже считал, что время надо покорять так же, как и пространство. Он тоже разрушал одностороннее течение времени и “плавал по эпохам”, и для него сознание есть то, что соединяет время»³.

Так же свободно обращается автор «Жителей гор» и с пространством, не называя точно места действия, географической местности, которую он описывает. Мысли о хане Кучуме, Сибири, старообрядцах уносят читателя далеко за Урал.

«Кремль гор», «одноугольники с льдистыми глазами» – говорящая деталь портрета светлоглазых людей славянского племени, «мутное серебро рек», «водопад, могучий кряж» и «гремучая широкая река» – всё это окружает «могучего государя», являя духовную мощь и силу физической энергии. Насыщенный метафорами и эпитетами пейзаж рождает интересную географическую загадку. Всё описание этой необыкновенной красоты горной местности умещается в первое предложение рассказа.

Известный греческий исследователь творчества Хлебникова Е. Парнис убеждён, что рассказ «Жители гор» написан под воздействием «малороссийских повестей» Гоголя. Вспоминается описание «высоковерхих» карпатских гор в повести Гоголя «Страшная месть», которые «будто каменными цепями перекидывают <...> вправо и влево землю и обковывают ее каменной толщей, чтобы не прососало шумное и буйное море. <...> Чуден и вид их: не задорное ли море выбежало в бурю из широких берегов, вскинуло вихрем безобразные волны, и они, окаменев, остались недвижны в воздухе? Не оборвались ли с неба тяжёлые тучи и загромодили собою землю? ибо и на них такой же серый цвет, а белая верхушка блестит и искрится при солнце»⁴.

В этом описании угадывается та удивительная местность, о которой говорит Хлебников в своём рассказе. Так повесть Гоголя становится ключом к расшифровке места действия в рассказе писателя XX в. Но у Хлебникова, несмотря на явные переклички с великим классиком, виден свой, особенной плотности и экспрессии, стиль. Всё описание пейзажа сопровождают художественные сравнения, которые отправляют читателя к тому или иному историческому факту, вызывает определенные ассоциации. В своём восприятии пространства и времени Хлебников предстаёт неоромантиком. Природа у него – вечна, постоянна, по сравнению с историей человечества. Но при этом он не противопоставляет природу истории, а, наоборот, сливает их в одно единое, неделимое целое. Писатель олицетворяет природу, откровенно очеловечивает её. Бурлящие горные реки у него подобны невестам в подвенечном наряде: «... мутное серебро рек в зеленых тканях, будто белые девы свадьбы, смеясь и гуторя, надели зеленые венки, поют и подымают сорванные ветви, водопад – нить жемчугов вдоль гордого, полного хищного предвкушения счастья, горла невесты» (510). Внимание останавливает и заставляет задуматься эпитет «хищное предвкушение» невесты.

Интересно, что повесть «Страшная месть» тоже начинается с описания свадьбы сына есаула Горобца. Но в рассказе Хлебникова кипящая жизнь

горная природа ассоциируется с пышным, шумным свадебным обрядом, таящим тревожное ожидание утраты свободы, неизбежного насилия со стороны невесты. При этом важно учитывать историческую эпоху, в которой жил сам писатель. Это эпоха напряженных нравственных и философских исканий, пересмотра многих представлений в сфере семейных и общественных отношений. У неприкаянного и бездомного до конца своих дней Хлебникова на этот счёт были, очевидно, свои взгляды.

«Жители гор» написаны в 1912–1913 гг., когда «возобновились военные действия на Балканах, и в России опять всколыхнулся интерес к славянскому вопросу, у Хлебникова же этот интерес, – пишет С. В. Старкина, – никогда не исчезал»⁵. Вспоминается стихотворение Хлебникова «Мы желаем звездам тыкать...», где он призывает читателей быть грозными, как Острица. Об этом гетмане поэт упоминает и в своем рассказе: «...закат-уманец с сверкающей саблей, по зову Острицы поднявшийся в поход». Известно, что Яков Острица (Яков (Яцко) Стефан Искра-Остринин) – один из руководителей крестьянско-казацкого восстания на Украине 1638 г. против польского владычества⁶.

Исторические мотивы у Гоголя и Хлебникова свидетельствуют о родстве писателей разных эпох. Объединяет их горячий интерес к прошлому России и Украины. Хлебников вслед за автором «Тараса Бульбы» обращается к истории борьбы украинского народа с польской шляхтой (рассказы «Велик день», «Жители гор»).

Известно, что вначале Хлебников назвал рассказ «Девы русские», желая подчеркнуть, что в этом произведении он говорит о русском народе: «Здесь жили русские» (511). Гоголь в повести «Страшная месть» тоже акцентирует: «...еще до Карпатских гор услышишь русскую молвь, и за горами еще кой-где отзовется как будто родное слово; а там уже и вера не та, и речь не та»⁷. Что ещё раз указывает: писателей интересовал вопрос границы заселения славян⁸.

Характерно, что в статье «О расширении пределов русской словесности» (1913) Хлебников призывал бороться с «некоторой узостью очертаний и пределов русской словесности»⁹. Эта статья может стать ключом к пониманию некоторых фрагментов рассказа. В ней он упоминает о «загадочных» поморянах, полабских славянах. Поморяне – племена, близкие к полабским славянам, они населяли прибалтийское Поморье¹⁰. В рассказе Хлебников также упоминает о поморах, описывая горы: «Темные ущелья, темные, как старцы в поддевках поморского согласия, сумраком вникали в этот зелёный и белый вершинами мир». Поморское согласие или толк – старообрядческое учение, возникшее вскоре после образования раскола среди населения Поморья¹¹.

Очередное упоминание Хлебникова о старообрядцах говорит о том, что писателя волновала

тема раскола. Ему интересен этот особый, самобытный, гордый народ. Кажется, сама природа помогает автору опозитивизировать образ раскольников, ценой лишений пытавшихся отстоять веру отцов. Здесь снега – «строгие платки старообрядческих девушек», а части горного темного мира громоздятся, как «обломки жизни русских» (511). По-другому жизнь раскольников не назовешь. Не боясь постоянных притеснений, они пытались собрать единоверцев, шли на сожжения. Памятником им служат в рассказе камни гор: «Как суровые души сжигавших себя из-за переставленного звука, высились камни» (511). Удивительной силы экспрессия дорисовывает страшный образ, отражающий трагедию массовых саможжений раскольников, их нестигаемую волю и гордыню.

Каждая фраза в рассказе насыщена ассоциативными, реминисцентными образами. В обрисовке горного пейзажа повествователь не упускает из вида царственную птицу орла, который взлетал на самый высокий утёс и «садился, как русский на престол Византии, как Управда» (512). Смысл этого сравнения орла с Управдой раскрывается в статье «О расширении пределов русской словесности», где В. Хлебников говорит о некоем Управде «на престоле второго Рима». Управда, по легенде, первоначальное имя императора Византии Юстиниана I (527–565), который якобы был славянином. При этом автор уточняет, «как славянин или русский (почему нет?)», и тем стирает границы между всеми славянскими народами, называя их всех русскими.

Использованные щедро исторические контексты, с одной стороны, существенно раздвигают временные рамки, с другой, придают большую определённую пространственным границам в сюжете рассказа. В его основе синтез частного, единичного и общего, фонообразующего, направленного на воплощение авторской идеи объединения, сплочения славянства в борьбе со всяким посягательством на его свободу. Не случайно повествователь упоминает в своем рассказе «дни Грюнвальда», «Косовское» и Куликовское поле, ту сторону утёса, на котором прилепилась хата, «откуда идут монголы», что рождает мотив дозора. Один маленький штрих, крохотная художественная деталь заставляет читателя вспомнить крупное сражение, состоявшееся 15 июня 1389 г. на Косовом поле между объединёнными войсками Сербии и Боснийского королевства с турецкой армией султана Мурада I. Так, не изменяя своему художественному методу, ярким, лаконичным языком, писатель стремится к достижению цели, поставленной им в названной статье.

Сюжет рассказа, как уже сказано выше, явно новеллистический: намечен и прописан пунктирной, прерывистой линией, воссоздает бытийно-трагический эпизод из жизни двух молодых влюблённых из старообрядческого поселения, обосновавшегося где-то в карпатских горах. Горный пейзаж, образ гор, с изломами горных

хребтов, органично соотносится с обитателями, непреклонными, гордыми старообрядцами со светлыми глазами, устремленными в небесную даль.

Собственно повествовательная часть рассказа начинается с появления девушки, которая стоит над пропастью и поёт. Пропасть, как известно, – символ тьмы, опасности, риска, падения; пение – это полет души, устремление к свету, высокому, небесному, величественное и вместе с тем что-то женственное, затаённое. Так вводится в повествование мотив противостояния, извечной борьбы высокого и низкого, света и тьмы. Хлебников создает удивительно романтический образ юной жительницы гор: «Сноп трав и цветов был в ее руке, а в глазах блестело и колыхалось далекое синее море» (512). В её облике очевидно единение с природой, гармоничное сосуществование с ней. Что-то возвышенное, мечтательное чувствуется в этой героине.

Образная система рассказа представлена несколькими персонажами. Едва намечены образы родственников девушки: отец, мать, сестра. Контурно выписан и образ молодого охотника Артёма. Следует сказать, что образу природы автор уделил больше внимания. Наряду с горами, лесом, морем, небом, в рассказе всё время присутствует некая сущность, чей-то незримый глаз, наблюдающий за жизнью этих людей: «...по всему этому бродили светлые взоры ока» (511). Одинокую русскую хату автор сравнивает с «разумом мыслителя на <туманном> ха<осе> мира» (511). Из этой хаты выходит человек. «Рога оленя были за его плечами и пятна свежей крови на гачах» (511).

Появление охотника с пятнами «свежей крови» на одежде нарушает чувство гармонии в мире природы. Кстати сказать, образ охотника как воплощение авторской философии природы нередко появляется в рассказах Хлебникова («Николай», «Охотник Уса-Гали» и др.). Символично имя охотника – Артём, восходит оно к греческому *artemios* – посвященный Артемиде, богине охоты и луны. Заметим, что имя девушки остается неизвестным.

Истинный неоромантик, Хлебников наполняет свой рассказ звуками, голосами природы, при этом его героини совсем немногословны. Так, «гремящий водопад, летя вечной стрелой вихрем вниз» (512), заглушил слова охотника, слова признания в любви. В окружающем пейзаже: в суровых очертаниях гор, в шумном водопаде – проявляется вечность, и на его фоне особенно остро чувствуется кратковременность человеческого жизни. Так обозначена, проявлена авторская философия жизни, природы. Поэтике романтизма свойственна острота конфликта, замешенного нередко на любовной интриге.

Сюжетная линия Артёма и его избранницы усложнена игрой девушки, которая демонстрирует окружающим свою независимость и недоступность, в глубине души она равнодушна к юноше. Не умея понять это, он страдает, то и дело

воскликая: «Я люблю тебя, солодка!» Но, кажется, сама природа подключилась к этой драме: вновь «заунывные, извилистые, певуче однообразные звуки несущихся волн прервали его речь и ее ответ, птица с пронзительным криком пронеслась над ними» (512). От страсти и бессилия справиться с охватившим его чувством охотник дрожит, подобно голубю. Она же в силе своей власти над ним – воплощенная соколица.

Следующий фрагмент в этом рассказе раскрывает суть поединка влюбленных как противостояние мужского и женского. Символичен диалог наблюдающих за ними взрослых из семьи юной горянки. «Старуха, стоявшая у входа в хату, поднесла руки к глазам и произнесла: “Иль сокол наш горлинку гонит”. Но засмеялась сестра и сказала: “Нет, он голубь, а она – соколица”» (512). Этот диалог отправляет нас к раннему романтическому произведению М. Горького «Макар Чудра», где был запечатлен роковой поединок гордой красавицы Радды и самонадеянного красавца Лойко. Как у Горького, у Хлебникова мужчина и женщина вступают в противоборство, так возникает романтический конфликт между чувством любви и гордым стремлением к воле. Однако у Хлебникова сюжетная линия влюбленных получает своё трансформированное воплощение. Не дождавшись ответа, Артём запел песнь и пошёл прочь: «Люли, люли, / На войне летают пули»¹².

Не случайно Р. В. Дуганов называет этот рассказ Хлебникова нравоописательным¹³. Перед нами сложный образ очень сильной, гордой, свободолюбивой девушки, которая при этом не лишена мечтательности, её мысли направлены к чему-то чистому, прекрасному. Так, ей во мгле видятся удивительные образы: «Казалось ей, она видит белого, как лунь, старца с глазами <звездами>, и перед ним, как злой должник, стоит черный медведь и ждет, когда вынет старец краюху хлеба. Иль видела себя матерью, великоглавой, кроткой, и на руках у ней дитя, а на<д> ни<ми> зве<зда> и не<бо>, и идут по<клониться> волхвы» (512).

Мысли о Богородице – это мысли о материнстве и вместе с тем о целомудрии, о чистоте. Девушка во мгле, в которой нельзя было видеть и свои руки, осмелилась представить себя «великоглавой, кроткой», непорочной. Высокое мечтание прервал внезапный поцелуй. Этот поцелуй отрывает девушку от возвышенных мечтаний. После описания этих удивительных видений понятно её негодование. Обида забралась в её сердце. «Стыдись! – воскликнула она и подняла руку, но уже никого не было, и только молочная мгла окружала ее. Да кто-то злобно и мстительно захохотал» (512).

Такова прелюдия к поединку, завершившемуся нежными поцелуями, готовностью жить в любви, трагически прерванной неведомой, загадочной силой, чьей-то рукой. У Хлебникова-романтика, космиста в природе запечатлено не только величественное, возвышенное, но и

враждебное человеку. И это не случайно: человек несовершенен, с лёгкостью убивает оленя, бестрепетной рукой свежует тушу. Олень является символом творения и возрождения, благородства и величия. Олень – царская добыча, его умерщвление на охоте отождествляется со смертью героя¹⁴. В одно мгновение он сбивает коршуна, и тот «с окровавленным клювом, хватая когтями песок» (513), падает к ногам девушки. Жертвы охотника неисчислимы, если в тот же день он возвращается с охоты с горным козлом на плечах.

В сюжете рассказа, полном намёков, недоговорённостей, внимание привлекают ситуации, использованные ранним Горьким в произведениях, посвящённых раскрытию антитезы «мужское – женское». Сцена утреннего купания девушки в ручье, опозитивированная Хлебниковым, – апофеоз красоты женского тела – даже на уровне лексики созвучна финальному эпизоду в рассказе М. Горького «Варенька Олесова» (1898). Психологически сложный рисунок свидания-борьбы героев в лесу с ножом, примирением и поцелуями – своеобразная модификация сцены свидания Радды и Лойко в программном рассказе («Макар Чудра», 1892) старшего современника Хлебникова.

Трагическая развязка рассказа тем неожиданнее и острее, чем лиричнее окрашены фрагменты семейных отношений в доме девушки, построенных на родительской заботе, доверчивых равноправных беседах. Показательный в этом плане диалог девушки с отцом, который сообщает: «– А он, слышь, принес трех орлят; хочет приручить их и летать на них по небу. – Разобьется мальчик. – Разобьется, говоришь?» (512). Слова гордой девушки звучат пророчески.

Предмет разговора отца и девушки – неназванный по имени Артём – свидетельствует о том, что о нём нередко говорят в этой хате, и отношения поединка-игры сложились достаточно давно, возможно, с детских лет живущих в замкнутом пространстве соседей. Дневной наряд девушки, где откровенно выставлен «длинный и узкий» нож на поясе, её лукавая усмешка, зовущий взгляд «больших расширенных глаз» – это скорее молчаливое приглашение померяться силами на равных, вызов на поединок. Отсюда и её воинственное «гож нож», и неуклюжее движение девушки, оцарапавшей юношу и окровавившей себя.

Хлебников с тонкостью психолога подмечает алогизм поведения влюбленной красавицы, которая с трудом преодолевает гордость, обнаруживая давно сдерживаемое желание постичь счастье любви. Если раньше она не удостоивала его ответом и общалась в основном с помощью взглядов, жестами, то теперь, оказавшись наедине в лесу, она обрушила на юного охотника всю силу своей любви, нежности и нетерпения, вызвав восхищение потрясённого юноши. Воссоздавая сцену любовного апогея, автор предельно лаконичен, но экспрессия от этого становится лишь выразительнее. Ночь любви пролетела как один миг.

«Король времени» целомудренно оставляет за пределами повествования осуществлённое счастье влюблённых. Перенос времени к утру с помощью слов: «вдруг солнце показалось, солнце осветило её девичьи ноги» (513), предельно красноречиво. За этим «вдруг» часы взаимной радости, которая теперь именно «вдруг» обрывается трагически неотвратимой фразой беды: «над ней лежал мёртвый холодный Артём» (513). Этот неожиданный, вполне в новеллистическом духе, поворот в развитии сюжета оставляет читателя в недоумении, перед цепью неразрешимых загадок, доступных пониманию лишь «светлым взором ока», бродившего над горным тёмным миром, где вечная борьба жизни и смерти, радости и горя, мира и войны.

Рассказ невелик по объёму, его сюжет занял четыре страницы, но плотность письма необычайна по содержательности, богатству и глубине ассоциативных мыслей и образов, математически выверенных рисунков и линий, действительно объединяющих временные пласты и широкие морально-этические пространства, заключённые Хлебниковым в тесные рамки новеллистического повествования.

Примечания

- 1 Завельская Д., Завельский А., Платонов С. Текст и его интерпретация. URL: <http://www.textology.ru/article.aspx?ald=149> (дата обращения: 15.01.2012).
- 2 Хлебников В. Жители гор // Хлебников В. Творения. М., 1986. С. 510. Далее ссылки на художественный текст даются по этому изданию с указанием страницы в скобках.
- 3 Мальцев Ю. Иван Бунин (1870–1953). Франкфурт-на-Майне. М., 1994. С. 312–313.
- 4 Гоголь Н. Страшная месть // Гоголь Н. Полн. собр. соч. : в 16 т. Т. 1. М. ; Л. 1962. С. 158.

- 5 Старкина С. Велимир Хлебников. М., 2007. С. 77.
- 6 См.: О причинах взаимного ожесточения поляков и малороссиян в XVII веке. Универсал Гетмана Острияницы // Записки о Южной Руси : в 2 т. Т. 2. СПб., 1857. URL: http://www.vostlit.narod.ru/Texts/Dokumenty/Ukraine/XVII/1620-1640/Steph_Ostr/universal1638.htm (дата обращения: 16.02.2012).
- 7 Гоголь Н. В. Собр. соч. : в 8 т. Т. 1. М., 1984. С. 226.
- 8 По словам С. А. Белобородова, одна из ветвей старообрядчества (белокриницкое согласие, имеющее свою иерархию) связывает свою историю с Буковиной, которая примыкает к Карпатским горам. Там, в селе Белая Крыница (Глыбоцкий район, на границе Украины и Румынии), находится старообрядческий монастырь. До пограничной заставы – 50 метров (см.: Белобородов С. «Австрийцы» на Урале и в Западной Сибири (Из истории Русской Православной Старообрядческой Церкви – белокриницкое согласие. URL: <http://virlib.eunnet.net/books/oldb3/chapter4/text.html> (дата обращения: 16.02.2012).
- 9 Хлебников В. Собр. соч. : в 3 т. СПб., 2001. С. 171.
- 10 См.: Ульянов И. Фрагменты из книги «Страна Помория» (1984). URL: <http://www.kolamap.ru/toponim/pomor.htm> (дата обращения: 16.02.2012).
- 11 См.: Поморское согласие // Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/ (дата обращения: 15.01.2012).
- 12 Эти строки вновь отправляют нас к повести Н. В. Гоголя «Страшная месть». Это преобразованный запов украинской воинственной колыбельной пана Данила: «Люли, люли, люли! Люли, сынку, люли! Да вырастай, вырастай в забаву! Козачеству на славу, вороженькам в расправу!».
- 13 См.: Дуганов Р. Слово в прозе // Дуганов Р. Велимир Хлебников. Природа творчества. URL: http://www.i-u.ru/biblio/archive/duganov_hlebnikov/05.aspx (дата обращения: 17.01.2012).
- 14 См.: Вовк О. В. Энциклопедия символов и знаков. М., 2006 // URL: <http://sigils.ru/symbols/olen.html> (дата обращения: 15.01.2012).

УДК 821.112.2–312.6+929 Людвиг

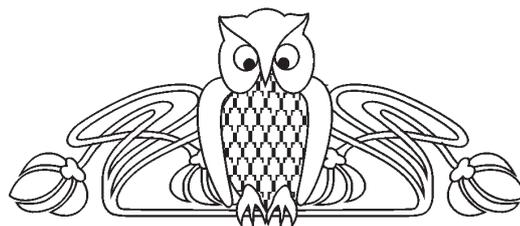
НАРРАТИВНАЯ СТРУКТУРА БИОГРАФИИ Э. ЛЮДВИГА «НАПОЛЕОН»

Е. А. Иванова

Саратовский государственный университет
E-mail: elivan1988@gmail.com

Статья посвящена выявлению жанровых особенностей биографии Э. Людвиг «Наполеон» на основе рассмотрения особенностей её нарративной структуры.

Ключевые слова: биография, Э. Людвиг, Ж. Женнет, нарративное движение, нарративная структура.

Narrative Structure of «Napoleon» by E. Ludwig

E. A. Ivanova

The article is dedicated to eliciting genre characteristics of E. Ludwig's biography «Napoleon» through considering the features of its narrative structure.

Key words: biography, E. Ludwig, G. Genette, narrative movement, narrative structure.